

А. В. Шацков

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

РЕЗУЛЬТАТИВ И ПЕРФЕКТ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной работе рассматриваются особенности употребления причастных конструкций с глаголами *hark-* и *ēs-* в хеттском языке. В современной литературе указывается, что обе эти конструкции могли выражать как стативно-результативное, так и перфектное значение, хотя в ранних текстах можно говорить лишь о стативно-результативном значении. Анализ поздних хеттских текстов показал, что причастные конструкции с *ēs-* в основном обозначают состояние и являются стативами или результативами. Напротив, все обнаруженные употребления причастной конструкции с *hark-* следует интерпретировать как результативные и, возможно, экзистенциальные перфекты.

Ключевые слова: хеттский язык, перфект, результатив, пассив, морфология, грамматикализация.

A. V. Shatskov

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Resultative and perfect in Hittite

Hittite participial constructions with auxiliaries *hark-* and *ēs-* could function both as statives-resultatives and as perfects. The survey of these forms in several late Hittite texts has shown that all the encountered constructions with *ēs-* are statives or resultatives, though in a few cases a resultative perfect interpretation is also possible. Nevertheless, not a single occurrence of *ēs-* with transitive participles can be considered an analytic (perfect) passive. By contrast, all the constructions with *hark-* have perfect meaning, with resultative perfect being the most common one.

Key words: Hittite, perfect, resultative, passive, morphology, grammaticalization.

Развитие результативных конструкций в перфекты в целом хорошо известно, см., например: Nedyalkov, Yakhontov 1983: 28f., Bybee, Dahl 1989: 67ff., Plungian 2016: 22f. При этом часто считается, что перфекты со вспомогательным глаголом со значением «иметь» — это особенность европейских языков: в частности, в своей монографии Б. Дринка (Drinka 2017) придерживается той точки зрения, что подобные перфекты в языках Европы — это ареальное явление; тем не менее, развитие ана-

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00367 «Индоевропейские морфологические изоглоссы».

логичных категорий в хеттском и согдийском (Wendtland 2011) по очевидным причинам было самостоятельным (ср. Dahl 2018: 86ff.).

Перфекты в хеттском языке появляются в результате грамматикализации результативных конструкций, и в древнехеттский период соответствующие причастные конструкции с глаголами *hark-* «держать, иметь» и *es-* «быть» обозначают состояние (Boley 1984, 1992; Cotticelli-Kurras 1991: 156, 2015). В типологической перспективе их следует рассматривать как результативы, последствия развившиеся в перфекты;² подобные конструкции обнаруживаются также в дреенеиндийском и древнегреческом языках, что может свидетельствовать о существовании такой конструкции и в праязыке (Shatskov forthc.).

Хеттский перифрастический перфект и стативные конструкции достаточно подробно описаны Г. Инглезе и С. Лураги (Luraghi, Inglese forthc.), которые указывают, что в древнехеттский период сочетания причастий с глаголами *hark-* и *ēs-* еще нельзя считать аналитическими формами, однако при этом даже в стативных конструкциях *hark-* и *ēs-* образуют с причастиями определенное синтаксическое единство; в частности, причастие в сочетании с *hark-* всегда стоит в форме им.-вин. падежа единственного числа среднего рода³.

Основные различия между перфектом и результативом вытекают из различия в их семантике, в первую очередь из-за того, что результатив обозначает только полученное состояние; формальные отличия заключаются в ограничении на сочетаемость результативов с определенными классами глаголов (при отсутствии таких ограничений у перфекта), на сохранении

² Конструкции с *hark-* можно охарактеризовать как посессивные результативы, *ēs-* с причастиями непереходных глаголов — как субъектный, а *ēs-* с причастиями переходных глаголов — как объектный результатив. Из первых двух типов развивается активный перфект, а из третьего типа — пассив, или, точнее, пассив перфекта.

³ В качестве одного из свидетельств Г. Инглезе и С. Лураги приводят и то, что отрицание в данных конструкциях не разделяет глагол и причастие. Однако подобных примеров немного, и я знаю такие лишь для перфектов с *hark-*, например, KUB 19.23 obv. 6–7 *ammuk=man* [] EN-YA ZI-an UL *warsiyaniwan harkun* ‘Разве я не смягчил душу моего господина?’, или для результативных конструкций причастий с глаголом «быть» (KUB 1.16 II 51 *kusduwāta lē handān=pat ēsdu* ‘Пусть (такая) клевета не готовится (или укореняется)’ и там же II 55 *kusduwāta lē lē handān=pat ēsdu* с повторением прохибитивной частицы *lē* (пример из Frotscher 2013: 297).

перфектом, в отличии от результата, исходного набора актантов лексического глагола, на различной сочетаемости с обстоятельствами времени и места (см. Nedyalkov, Yakhontov 1983: 12f., Plungian 2016: 11f.) К сожалению, многие из этих критериев сложно применить к материалу мертвого языка, тем не менее, ниже будут приведены свидетельства развития результатов в перфекты в средне- и новохеттский период.

Первые указания на грамматикализацию перфекта появляются уже в древнехеттских текстах, в частности, к таковым можно отнести употребление *hark-* с причастиями переходных глаголов, например, в *parsnan hark-* ‘скрючиться’ (Boley 1984: 26ff.). М. Фротшер (Frotscher 2013: 289) приводит примеры предложений с $\bar{e}s-$ и причастием переходного глагола, где явным образом выражен агенс, что позволяет трактовать их уже не как результатив, а как пассив: $^{GIS}TUKUL^{HLA}-is=wa=tta\ siunit\ piyantes$ (КВо 22.6+ I 25 ОН?/NS) ‘Оружие дано тебе богами’ or *karu KUR.KUR^{MES} URU Hatti IŠTU^{LÚ} KÚR arha harganuwan esta* ‘Ранее земли Хатти были полностью уничтожены врагами’ (КВо 6.28 I 6).

Еще одним указанием является изменение схемы согласования причастий: при субъекте в именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода в ранних текстах причастие согласовывалось с субъектом по числу, однако в средне- и новохеттский периоды оказывается в единственном числе, согласно правилу о том, что субъекты среднего рода во множественном числе согласуются с предикатами в единственном числе (van den Hout 2001: 187ff., Hoffner, Melchert 2008: 240, Rieken 2017: 400). Ср., например, *halkias hars[(ā)]r ishiyand[(a)] [Z]ÍZ^{HLA}-as=a harsār ishiyanda* ‘колоски ячменя связаны вместе и колоски пшеницы связаны вместе’ (КВо 17.1 IV 19–20 OS) и *[nu ʔTTI DINGIR^{LIM} GIBIL kue 2 GÍR^{HLA} iyan* ‘те два ножа, которые были сделаны вместе с новым божеством, (их берут)’ (KUB 29.4 IV 33 МН/NS).

Что касается развития активных перфектов с *hark-*, то самым явным указанием на их грамматикализацию является то, что эти формы могут быть переходными в поздних текстах, причем объект зависит не от *hark-*, ср. КВо 4.4 III 33–4: *nu=mu=kan^DU NIR.GÁL BELI=YA^D Hasammilin BELI=YA weriyan harta* ‘Могучий Бог Грозы, мой господин, вызвал мне Хасаммили’. Тут важно также отметить, что хеттские причастия никогда не управляют дополнениями (Sommer 1947: 67,

Dardano 2014: 256), так что *weriyān harta* должна рассматриваться в данном контексте именно как аналитическая форма.

Конструкции с *ēs-* и причастиями предельных непереходных глаголов весьма редки и не засвидетельствованы в древнехеттских текстах, что, впрочем, может объясняться их общей редкостью. Приведенные ниже примеры следует скорее рассматривать как результативы: *n=as kuwari pānza* ‘в какое бы место он ни **пришел**, (и в какой бы город ни вернулся, его передадут Моему Величеству)’ (KUB 23.72 rev. 12, MH/MS) или *kēz=ma=wa=tta KUR=KA arha harkan nu=wa=tta ÉRIN^[MEŠ-KA ANŠE.KUR.RA^{MEŠ-KA}] tepawessanza* ‘А теперь твоя страна **погибла**, а твои войска и лошади **стали малочисленны**’ (KUB 19.29 IV 17–18). Этот тип конструкций изучен менее всего.

Тем не менее, несмотря на развитие перфекта в хеттском языке, результативные или стативные (в случае причастий от непереходных глаголов) конструкции встречаются и в самые поздние периоды. Особенно это видно в примерах, где вспомогательный глагол стоит в императиве (*karussiyān hark* ‘keep quiet’ (KUB 14.4 IV 11), однако в ряде случаев это касается и форм индикатива (Luraghi, Inglese forthc. 4.1–3). Таким образом, можно говорить, что в поздние периоды перфект сосуществует со стативами и результативами. Ниже будет рассмотрено употребление причастных конструкций с глаголами *hark-* и *ēs-* в хеттских текстах времен Хаттусили III Тудалии IV, что позволит получить представление о соотношении перфектов и результативных конструкций в хеттском языке этого периода.

В договоре между Тудхалией IV и Курунтой (СТН 106.I, Во 86/299) перфекты с вспомогательным глаголом *hark-* встречаются восемь раз. В четырех случаях эти формы выражают предшествование в прошлом, например, в I 12–13 *annisan=pat=an^mNIR.GÁL-is LUGAL-us ANA ABU=YA^mHattusili sallanummanzi piyan harta n=an annisan=pat ABU=YA sallanusket* ‘Ранее царь Муваталли моему отцу Хаттусили его **отдал** на воспитание, и мой отец его воспитывал’, и в II 43–4 *mahhan=ma ABU=YA ŠEŠ=YA kuin^{LÚ}tūhukantahiti tiyan harta n=an arha tittanut nu ammuk LUGAL-eznani tittanut* ‘Когда мой отец убрал моего брата, которого он (ранее) **поставил** наследником, и меня на царство назначил’, ср. также II 49–50, 55. Как состояние, возникшее в результате предшествующего действия, стоит рассматривать и два употребления перфектов с *hark-* в следующем пассаже: II 34–7 *apēdani=ma mēhuni ABU=YA ŠEŠ MAHRŪ^{LÚ}tūhukantahiti tiyan harta ammuk=ma apēdani mēhuni*

LUGAL-*eznani nawi taparriyan harta* ^{m.D}LAMMA-*as=ma=mi apēdani mēhuni pahhassanut* ‘в то время мой отец **поставил** наследником старшего брата, а меня в то время на царство **еще не назначил**. Курунта же в тот момент был верен мне’.

В оставшихся двух примерах речь о предшествовании не идет: III 73–4 *nasma=ssi ABU=YA* ^DUTU-*ŠI=ya kuit piyan harweni nu=ssi=kan arha kuitki dāi* ‘(Если кто у потомков Курунты царство в Тархунтассе заберет, или его уменьшит, или решит уничтожить его,) или у него из того то, что мой отец и Мое Величество **дали**, что-то заберет, ... (пусть боги у него царство заберут)’ (ср. также IV 18–19). Интересно, что в двух похожих контекстах вместо конструкции с *hark-* употребляется претерит, например *kī=ya kuit ABU=YA ANA* ^{m.D}LAMMA *pesta* ^DUTU-*ŠI=ya=ssi kuit pehhun ishiūl=si kuit iyawen n=at=kan zilatiya lē kuiski wahnuzi* ‘То, что мой отец Курунте **дал** и я, Мое Величество, ему **дал**, и который договор мы для него **сделали**, это в будущем пусть никто не меняет’ (III 57–9). Разница здесь может заключаться в том, что в контексте с претеритом имеются в виду конкретные объекты передачи, что конкретизирует и само действие, в то время как в III 73–4 речь идет о более общей ситуации.

В договоре между Тудхалией IV и Курунтой встречается также достаточно много причастий от переходных и непереходных глаголов в предикативной позиции, которые, как указывалось выше, обычно рассматриваются как (перфектная) пассивная конструкция в случае с причастиями переходных глаголов, либо как стативная конструкция или перфект в случае с причастиями непереходных глаголов (Hoffner, Melchert 2008: 310ff.). В тексте рассматриваемого договора при помощи этих форм обычно дается отсылка к положениям договора Курунту с отцом Тудхалии IV, Хаттусили III, или другим договоренностям, ср., например, I 22–8 *IŠTU KUR* ^{URU}Pitassa=*ma=ssi annaz* ^{URU}Nahhantas *ZAG-as ēsta nu=ssi ABU=YA ZAG anda huittiat nu=kan ANA TUPPI RIKILTI ŠA ABU=YA* ^DKASKAL.KUR ^{URU}Arimmatta *ZAG-as iyanza kinun=a=ssi* ^DUTU-*ŠI annallin ZAG EGIR-pa tehun nu=ssi IŠTU KUR* ^{URU}Pitassa *IŠTU ZAG* ^{URU}Arimmatta ^{URU}Nahhantas ^{URU}Hauttassass=*a ZAG-as* ^{URU}Nahhantas=*ma=kan* ^{URU}Hauttassass=*a INA KUR* ^{ID}Hūlaya *āssantes* ‘Ранее от страны Питасса его границей был город Нахханта. Затем Мой отец уменьшил его территорию. И на табличке с договором моего отца подземная река города Ариматты **сделана** его границей. Но теперь я, Мое величество, прежнюю границу установил, и для него границей

от Пихассы и границы Ариматты являются города Нахханта и Хаутасса. Но (сами) города Нахханта и Хаутасса **принадлежат** стране реки Хулая’.

В данном случае интересно то, что граница установленная в договоре отцом Тудхалии IV и впоследствии измененная сыном, описывается как *iyanza* ‘сделана’: отсутствие глагола-связки *ēs-* указывает на то, что данный предикат стоит в настоящем времени, несмотря на то, что ситуация уже изменилась. Видимо, в данном случае идет описание состояния договора на табличке отца. В любом случае, интерпретация этой формы как аналитического пассива ‘была сделана’, исключена, так как мы ожидали в таком случае глагол связку в прошедшем времени. Все остальные случаи использования причастий переходных глаголов в предикативной функции в данном тексте также следует рассматривать как результативы, а не как пассивы. Об этом свидетельствует и тот факт, что при отрицании *ŪL kiyantari* используется личная форма глагола *kī-* ‘лежать, находиться’, а не форма причастия (II 59–60)⁴.

Схожую картину употребления причастных конструкций с *ēs-* и *hark-* мы видим и в других текстах того времени. В Апологии Хаттусили (СТН 81) *hark-* с причастием три раза используется для обозначения отношения к Хаттусили III его покровительницы, богини Иштар, ср., например, KUB 1.1 I 28–30 *nu=mi DĪŠTAR GAŠAN=YA kuit kanisan harta ŠEŠ=YA=ya=mi mNIR.GÁL āssu harta* ‘Так как Иштар, моя госпожа, меня признала, и Муваталли, брат мой, был ко мне расположен (люди увидели признание Иштар и благорасположение брата и стали мне завидовать)’ или KUB 1.1 IV 60 [(*nu=mi DINGIR*)]^{LUM} *kuit GAŠAN=YA kisan kanissan harta [(nu ŠA ŠE)]Š=YA nakkiyanni handas UL manqa DŪ-nun* ‘Так как меня таким образом **признала** Богиня, моя госпожа, я из уважения к своему брату ничего (плохого) не сделал’. Во всех этих случаях речь идет не о каком-то конкретном действии со стороны богини, а скорее о характеристике Хаттусили III, и здесь можно, пожалуй, предполагать «экзистенциальное» значение перфекта, указывающее, что данная ситуация имела место в прошлом⁵. Кроме того, конструкции с *hark-* используются в этом тексте и для обозначения предшествования: KUB 1.1 IV 75–76

⁴ О тенденции не использовать отрицания в сочетании с результатами см. Nedyalkov, Yakhontov 1983: 26.

⁵ О данном термине см. Plungian, Urmanchieva 2017: 30 f.

ammuqq=a=za kuit hastiyas É-er DÙ-nun [(n)=]at ANA DINGIR^{LIM} parā pehhun ‘Мавзолей⁶, который я сделал себе, я богине отдал’. Впрочем, в схожих конструкциях могут встречаться и формы претерита: KUB 1.6 + III 14–17 *nu^{URU} Neriqqas kuit IŠTU UD^{UM} m^mHan[(tili)] arha harganza ēsta n=an EGIR-pa we[dah(hun)] KUR.KUR.HI.A=ya kue INA^{URU} Neriqqa arahz[anda (esta)]^{URU} Neran^{URU} Hastiran ZAG-an DÙ-nu[n]* ‘Город Нерик, который с дней Хантили был разрушен, я восстановил, и в землях, которые вокруг были, города Нера и Хастира сделал границами’.

В тексте СТН 569 (Гадания относительно Арма-Тархунты и Шаушгатти) *hark-* с причастием также употребляется для обозначения предшествования: KUB 50.6 III 37–9 *nu ABI^DUTU-ŠI apadda ser [ANA] DINGIR^{LIM}=ma kuedanikki kuitki teman harta [n=a]t? nawi pesta* ‘и поэтому отец Его Величества пообещал что-то некоему божеству, но еще не дал (обещанное)’. Кроме того, эта конструкция может также обозначать и текущее состояние: KBo 2.6 + 32–3 *mān=ma=za DINGIR.MEŠ ŠA^{f.D} IŠTAR-atti SISKUR mantalliya ITTI^DUTU-ŠI BAL-uwanzi malān harteni* ‘(Так как было установлено, что Шаушгаватти будет совершать возлияния вместе с Его Величеством, будет его величество совершать возлияния с умершими?) Если вы, боги, одобрили совершение жертвоприношений Шаушгавати совместно с Его Величеством, (пусть первые ауспиции будут благоприятными, а вторые — неблагоприятными)’.

Что касается сочетания причастий с глаголом *ēs-*, то они так же, как и в договоре Тудхалии IV с Курунтой, должны интерпретироваться скорее как результативы, ср. следующий пример из описания результатов гадания KIN: KBo 2.6+ III 12–15 *DINGIR^{LUM}=za dapian ZI-an assull=a ME-as n=at DINGIR.MAH-ni pais INA UD.2.KAM HUL-lu ME-an nu=kan ANA GIG TUR! INA UD.3.KAM DINGIR^{LUM}=za dapian ZI-an TI-tarr=a ME-as nu=kan anda SIG₅-wi* ‘Божество забрало всю душу и благосостояние и дало матери-богине. На второй день зло **взято** и (находится) в малой болезни. На третий день божество забрало всю душу и жизнь и (находится) в хорошей (позиции)’⁷. В данном случае то, что происходило в первый и третий день,

⁶ Букв. ‘Дом кости’; интерпретация ‘мавзолей’ взята из van den Hout 2003: 204.

⁷ Подробнее об этом ритуале см. Archi 1974, перевод основан на van den Hout 1998: 206–7.

описывается личными формами глагола в претерите. Конструкция с причастием (ME-*an* с опущенным в настоящем времени глаголом-связкой) описывает результаты гадания во второй день. Если бы мы имели дело с формой аналитического пассива, то она, как и синтетические глагольные формы в описании результатов других дней, должна была бы стоять в прошедшем времени. Подобные конструкции с причастиями, а не аналитические пассивы, последовательно используются в тексте СТН 569 для описания результатов гадания KIN.

В тексте инструкций Тудхалии IV (СТН 255) *hark-* с причастием также употребляется для обозначения предшествования: KUB 21.42+ IV 26 [na]sma=za DUMU LUGAL *kuiski GÙB-an uttar ANA LÚSAG [aw]an GAM memai nasma=tta karū=ya [mem]an*⁸ *harzi ANA LUGAL=ma=at ŪL mematteni* ‘или (если) некий царевич скажет придворному дурное (букв. левое) слово или тебе уже **давно сказал**, а вы царю не сообщили...’. Также эта конструкция может обозначать и текущее состояние: KUB 21.42+ IV 38–9 ^DUTU-ŠI=ya *kuyēs EGIR-pa SUM-an harzi nu=za mān EGIR-pa SUM-antan kuiski TI-tar ilaliyazi* ‘Кого Его Величество **обратно вернул** (экстрадировал), если кто-то пожелает спасти (букв. пожелает жизни) возвращенного...’⁹.

Менее ясна интерпретация причастия *watkuwanza* в предикативной функции в следующем пассаже: KUB 21.42+ II 23-*nasma=kan ANA DUTU-ŠI kuiski watkuwanza n=as=kan ANA ZAG kuedanikki anda sumēss=a=as āssus kuedanikki nu=ssi=kan memian GAM-an arha watarnahzi nu apān ZAG-na dāi DUTU-ŠI=ma GÙB-la dāi n=an=kan kūs DINGIR^{MES} harninkandu* ‘Или если кто-то **сбежал** от Его Величества и он (находится) у какой-то границы, к кому-то из вас он расположен, и ему рассказывает свое дело, и если того (беглеца) ставит правым, а царя — неправым (букв. левым), пусть боги их уничтожат’ (ср. Miller 2013: 40147, Goedegebuure 2014: 478). В принципе, форму *watkuwanza* можно было интерпретировать и как результативный перфект, и как субъектный результатив.

Обзор нескольких поздних хеттских текстов, восходящих в основном к правлению Тудхалии IV и его отца Хаттусили III, показал, что сочетание *hark-* с причастием чаще всего обозначает предшествование или текущее состояние, то есть может

⁸ Восстановление согласно Miller 2013: 403⁶⁸.

⁹ Пер. согласно Miller 2013: 290f.

описываться как результирующий перфект, хотя в отдельных случаях речь может идти и о так называемом «экзистенциальном перфекте». Интерпретация этих форм как посессивных результитивов не представляется возможной, так как во всех случаях можно говорить о том, что объект зависит от лексического глагола, выраженного причастием (ср. Plungian 2016: 11f.).

В то же время конструкции с глаголом *ēs-* и причастиями как от переходных, так и от непереходных глаголов в подавляющем большинстве случаев следует рассматривать как объектные и субъектные результитивы. Так, например, в данных текстах не встретился ни один контекст, где при причастии от переходного глагола в предикативной позиции был бы выражен агенс, что позволило бы интерпретировать эту форму как аналитический пассив. При этом стативные и результивные конструкции с императивами в этих текстах достаточно редки. В ряде случаев возможно видеть в конструкциях с глаголом *ēs-* и причастиями непереходных глаголов результивный перфект; при этом во всех таких случаях не менее вероятно их интерпретация как форм субъектного результитива.

Библиография

- Archi, A. 1974: Il sistema KIN della divinazione ittita. *Oriens Antiquus* 13: 113–44.
- Boley, J. 1984: *The Hittite hark- Construction*. Innsbruck
- Boley, J. 1992: The Hittite Periphrastic Constructions. In: O. Carruba (ed.) *Per una grammatica ittita*. Pavia: Gianni Iuculano, 35–59.
- Bybee, J., Dahl, Ö. 1989: The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13/1: 51–103.
- Cotticelli-Kurras, P. 1991: Die hethitischen Nominalsätze. In: O. Carruba (ed.) *Per una grammatica ittita*. Pavia: Gianni Iuculano, 100–135.
- Cotticelli-Kurras, P. 2015: Periphrastic constructions, phasal verbs, and Aktionsart in Hittite. *In Verbis* 1, 43–62.
- Dahl, Ö. 2018: Grammaticalization in the languages of Europe. In: H. Narrog and B. Heine (eds.) *Grammaticalization from a Typological Perspective*. Oxford University Press.
- Dardano, P. 2014: Das hethitische Partizip- eine Frage der Diathese? In: P. Taracha (ed.), *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology*. Warsaw, 5–9 September 2011. Warsaw: Agade, 236–262.
- Drinka, B. 2009: The **-to-/no-* construction of Indo-European: Verbal adjective or past passive participle? In: V. Bubenik, J. Hewson, S. Rose (eds.) *Grammatical Change in Indo-European Languages: Papers Presented at the Workshop on Indo-European Linguistics at the XVIIIth International Conference on Historical Linguistics, Montreal, 2007*. Amsterdam: Benjamins. P. 141–158 (= Current Issues in Linguistic Theory 305).

- Frötscher, M. 2013: *Das hethitische -ant-Partizip und seine indogermanischen Grundlagen — Semantik, Morphologie, Syntax*. Phd. Diss., Univ. Verona.
- Goedegebuure, P. 2014: *Hittite Demonstratives. Studies in Deixis, Topics and Focus*. Wiesbaden: Harrassowitz. (= Studien zu den Boğazköy-Texten 55).
- Hoffner, H., Melchert, H. C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Inglese, G., Luraghi, S. forthcoming. *The Hittite periphrastic perfect*.
- Miller, J. 2013: *Royal Hittite instructions and related administrative texts*. Atlanta.
- Nedyalkov V. P., Yakhontov S. Ye., 1983. [Typology of resultative constructions]. In: Nedyalkov V. P. (ed.) *Tipologiya rezulativnykh konstruksiy (rezultativ, stativ, passiv, perfect)* [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad: Nauka, 5–41.
- Недялков, В. П., Яхонтов, С. Е. 1983: Типология результативных конструкций. В сб.: В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 5–41.
- Plungian, V. A. 2016: [Towards a typology of perfect in the languages of the world]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 12/2, 7–36.
- Плунгян В. А. 2016: К типологии перфекта в языках мира. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований* 12/2: 7–36.
- Plungian, V. A., Urmachieva, A. Ju. 2017: [Perfect in Old Church Slavonic: was it resultative?]. *Slověne*. 2017/2: 13–56.
- Плунгян, В. А., Урманчиева, А. Ю. 2017: Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne* 2017/2, 13–56.
- Rieken, E. 2017: Das hethitische Partizip: zur Schnittstelle von Syntax und Semantik. In: C. Le Fevre, D. Petit, G.-J. Pinault (eds.) *Verbal Adjectives and Participles in Indo-European Languages*. Bremen: Hempen, 391–403.
- Shatskov, A. B., forthc. *Periphrastic passive and resultative in Hittite and Proto-Indo-European*
- Sommer, F. 1947: *Hethiter und Hethitisch*. Stuttgart.
- van den Hout, Th. 1998: *The Purity of Kingship*. Brill: Leiden; Boston; Köln.
- van den Hout, Th. 2001: Neuter plural subjects and nominal predicates in Anatolian. In: O. Carruba, W. Meid (eds.) *Anatolisch und Indogermanisch. Anatolico e indoeuropeo*. Innsbruck, 167–192.
- van den Hout, Th. 2003: The Apology of Hattusili III. In: W. Hallo (ed.) *The Context of Scripture I*. Brill: Leiden-Boston, 199–204.
- Wendtland, A. 2011: The emergence and development of the Sogdian perfect. In: A. Korn et al. (eds.) *Topics in Iranian Linguistics*. Wiesbaden: Reichert, 39–52.